

Веб-журнал "Европейская Афиша" №7 03/07/2012– www.afficha.info

В фокусе - современная аргентинская сцена и танец из Израиля. (продолжение. Napoli Teatro festival)

Екатерина Богопольская

В фокусе современная аргентинская сцена: Чехов и другие.

Photo Napoli Teatro Festival

Астров и Войницкий в самые драматичные моменты начинают репетировать... сцену из «Служанок» Жана Жене.

В программе «новая аргентинская сцена» – два чеховских спектакля Даниэля Веронезе. Об одном из них, по «Чайке», который играли в Teatro Nuovo, мы уже мы писали в репортаже с Парижского Осеннего фестиваля (см. Архив). Второй, под загадочным названием «...Espia a una mujer que se mata» (..подглядывает за женщиной, которая кончает с собой), за которым скрывается «Дядя Ваня», тоже побывал в Париже дважды. В Неаполе (Galeria Toledo), как и в Париже, спектакль скромной театральной труппы Веронезе встречали с восторгом. «Дядя Ваня» - вторая часть чеховского диптиха, начатого «Тремя сестрами», под спектакль шел под заголовком «Мужчина, который задыхается». Вместе они составляют фразу, взятую у Жака Превера «Мужчина, который задыхается, подглядывает за женщиной, которая кончает с собой». Веронезе объяснял мне, что в этой фразе в конденсированном виде он увидел всю проблематику пьес Чехова, «чеховские персонажи всегда в этой крайней ситуации на грани смерти – от тоски или от любви, но при этом всегда увлечены обманчивой перспективой счастья где-то там, вдалеке. То есть Чехов говорит о самообмане, за которым все персонажи скрываются, чтобы выжить. Это не пессимизм, но скорее общее ощущение жизни, часть жизни - всегда хотеть что-то такое, чего нет».

Опять, как и в случае с «Чайкой», Веронезе использует чеховский текст как материал, опять действие происходит сегодня и везде – в спектакле нет ничего традиционно русского. Нет также пауз, лирической атмосферы, и барственной тоски. Впрочем, и просторных гостиных старой барской усадьбы тоже нет. Декорация представляет собой тесную комнату-выгородку в несколько квадратных метров, в которую выходят две двери и окно. Посредине – большой квадратный стол. Все действие происходит в этом удушающем пространстве, где все оказываются в прямом смысле слова сдавлены присутствием другого. Такое пространство заставляет их постоянно находиться в движении, придает очень насыщенный внутренний ритм игре – события происходят непрерывно, без деления на акты. Все торопятся жить, или скорее спрятаться от несчастий жизни, но ни у кого это не выходит. Веронезе и его актеры стремятся к откровенности актерской эмоции, не прикрываясь никакими театральными эффектами: режиссер программно отказывается от игры света, значимых костюмов и музыкального сопровождения. И это особенно странно в спектакле, где на первый план выходит тема театра. Дело в том, что профессор Серебряков у Веронезе – театральный критик. Спектакль начинается со сцены между Соней и профессором, и хотя между ними на столе почему-то лежит револьвер, старый, уставший от жизни профессор излагает здесь свои теории театра, вспоминает Станиславского и Островского, говорит о новых и старых формах, словом, как скажет мне потом Веронезе, «я вложил в уста профессора все театральные теории, те, с которыми я согласен, и те, с которыми я совсем не согласен». А Соня – несчастная, потерянная, не то, чтобы понравиться отцу, не то, чтобы забыть свою любовь к Астрову, играет, оказывается, на любительской сцене. И совсем как Нина Заречная рассказывает о своем театральном опыте «Я не знала, что делать с руками». Как если бы это была своеобразная прелюдия от театра, застольная репетиция перед вступлением непосредственно в пространство «Дяди Вани». Так сразу задаются три темы спектакля – любовь, смерть и театр. Театр – не как искусственный веселый праздник, но как последнее прибежище от отчаяния. Так Астров и Войницкий в самые драматичные, неразрешимые моменты начинают репетировать... отрывок из «Служанок» Жана Жене. Так все цепляются за иллюзию любви, надеясь, что она может спасти от драм их ежедневного существования, забыть неудавшуюся жизнь. Но и это никому не удастся. Здесь всем можно сострадать, нет правых и виноватых. «Все патетичны», как говорит о них сам Веронезе. Мучимые собственными страхами и тоской, они не способны ни услышать другого, ни полюбить. Отсюда настоящий вербальный хаос, как если бы все хотели сразу выговориться. Отсюда же игра «под высоким напряжением», очень насыщенное внутреннее действие. В спектакле Веронезе история чеховского «Дяди Вани», кажется, становится собственной историей режиссера и актеров его труппы. А через них – и наша с вами.

В аргентинской программе также три спектакля актера, режиссера и драматурга из Буэнос-Айреса Клаудио Толькашира (р.1975): созданный им театр Timbre 4 один из самых интересных феноменов современной аргентинской сцены. В театре Mercadante играли спектакль «Tercer Sueño». Подзаголовок пьесы – «история одной абсурдной попытки», что означает – все персонажи этой истории в своей жизни проигравшие, но они снова и снова пытаются преодолеть несчастья и жить. Действие пьесы и спектакля происходит в Аргентине, в наши дни. Разрозненные сценки из обыкновенной жизни обыкновенных людей. Простые истории, рассказанные фрагментарно. В конце отдельные, внешне несвязанные осколки судеб оказываются связаны в одну большую мозаику жизни. Спектакль играют в единой декорации, открывающейся то как бюро в каком-то административном центре, то как бар, то кабинет врача, то частная квартира. Большое пространство, содержащее в себе все маленькие пространства жизни каждого персонажа. 5 персонажей пьесы – коллеги в одном бюро, и все пятеро, каждый по-своему, безмерно

одиноки. Всех характеризует огромная жажда жизни и уязвимость, незащищенность перед жизнью.

Photo Napoli Teatro Festival

За обыденными ситуациями постепенно открывается сущность, каждый - не тот, за кого себя выдает. Сколок несовершенного человечества. Так раскрывается смысл загадочного названия (дословно, Terceg сиегро, означает «третье тело» - это то, чего нет у каждого из персонажей, его тайный изъян, несбыточная мечта, которые каждый тщательно скрывает, и которые раскрываются в процессе действия. В спектаклях Толькашира нет никаких технологических изысков современной сцены, только абсолютно завораживающая игра актеров.

Второй фокус этого фестиваля – современный танец из Израиля, переживающий сегодня настоящий бум, и принятый на ура по всей Европе. Он представлен тремя компаниями, Kibbutz Contemporary Dance Company, Vertigo Dance Company и Dafi Dance group. При всем различии, эти труппы характеризует синтез стилей, соединение европейских традиций и влияние местного колорита, включающего в себя и элементы арабской культуры, танец очень чувственный, физический.

Photo Napoli Teatro Festival

Ансамбль Kibbutz Contemporary Dance Company был основан в 1970 году чешкой Юдит Арнон, которая чудом выжив в концлагере, после войны эмигрировала в Израиль.

Первоначально все танцоры три дня в неделю были заняты в кибуце на сельскохозяйственных работах, а три дня - в балетных спектаклях. Откуда и название компании. Настоящую известность коллектив снискал в последнее десятилетие, когда его возглавил хореограф яркого собственного стиля Рами Беир. В Неаполе, на сцене театра Politeama он представлял два спектакля, «Сакральное и профанное» и «If at all». Я присутствовала на премьере первого, «Сакральное и профанное».

Photo Napoli Teatro festival

Когда в мощном потоке света песок из небесной песочницы проливается дождем на атлетически сложенных танцоров в белых набедренных повязках, зал замирает. Танец как животный, физический ритуал. Потом появятся андрогинные танцоры - скульптурные торсы мужчин и длинные, мягкие юбки на корсажах, плюс струящиеся движения, в унисон с песочным водопадом. Песок – как символ суеты, профанного, и в то же время вызывает в памяти песню Сержа Гинзбура, «Песок и солдат», в которой тот называет землю обетованную землей песка. Вместе с тем, хореография Беира оставляет зрителям простор для собственных ассоциаций. В любом случае очень красиво. В следующей картине танцоры - атлеты в насыщенных по экспрессии соло взаимодействуют с железными прутьями клетки, пытаются вырваться из нее, а она поглощает их, словно засасывая в лабиринт. Потом отдельно мужской танец 6 танцоров в белых пачках и отдельно женский. Рами Беир известен тем, что возвращает танцу самодостаточность. Мощная поэзия тел, красота и экспрессия чистого физического движения, энергия танцоров завораживают.